

ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

Под утро, когда устанут
Влюбленность, и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: «Хотите
Послушать старую запись?» —
И мой глуховатый голос
Войдет в незнакомый дом.
И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнет рисовать рука,
И будет брэнчать гитара,
И будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...
И гость какой-нибудь скажет:
«От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат!»
«Ну, что вы, Иван Петрович, —
Ответит ему хозяйка, —
Бояться автору нечего,
Он умер лет сто назад...»

СЛУШАЯ БАХА

М. Ростроповичу

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы.
Одиночество Божьего дара —
Как прекрасно
И горестно ты!
Есть ли в мире волшебней, чем это,
Всей докуе земной вопреки, —
Одиночество звука и цвета,
И паденья последней строки?
Отправляется небыль в дорогу
И становится былью потом,
Кто же смеет указывать Богу
И заведовать Божим путем?!
Но к словам, ограниченному строкою,
Но к холсту, превращенному в дым,
Так легко прикоснуться рукою,
И соблазн этот так нестерпим!
И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка,
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуска.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

За чужую печаль
и за чье-то незваное детство
нам воздастся огнем и мечом
и позорам вранья,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.
Мы со сцены ушли,
но еще продолжается детство,
наши роли суфлер дочитает,
ухмылку тая,
возвращается вечером ветер
на круги своя,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться.
Мы проспали беду,
проматили чужое наследство,
жизнь подходит к концу,
и опять начинается детство,
пахнет мокрой травой
и махорочным дымом жилья,
продолжается детство без нас,
продолжается детство,
продолжается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.

порой сложнейшие вещи, которые не всякому музыканту под силу (об этом писал и композитор Никита Богословский). Однажды в Доме творчества киношников в Болшеве я был свидетелем того, как Галич — не для публики, просто сам для себя, для собственного удовольствия — наигрывал на роскошном рояле знаменитую мелодию Бонфа из бразильского кинофильма «Черный Орфей». Очень изящную и несложную в общем-то песенку он расцвечивал такими гармоническими изы-

ским карандашом. Все, что он говорил, было интересно и значительно. Однажды в Доме творчества я услышал на лестнице главного корпуса громкий, на повышенных тонах разговор. Даже скорее не разговор, а гневный монолог. Александр Аркадьевич, возмущаясь и размахивая руками, спорил о чем-то с женой Ангелиной Николаевной (Нюшей, как называли ее друзья и он сам), одновременно обвиняя и убеждая ее. Было впечатление страшной семейной ссоры. Поравнявшись с су-

Первое знакомство было заочным и, естественно, односторонним. Начало 60-х. В маленькой комнате Дома творчества писателей в Малевке собралось несколько человек, из которых сейчас помню только прекрасного прозаика И. Грекову (она же ученый-математик, доктор технических наук Елена Сергеевна Вентцель), чьи удивительные повести «За проходной» и «Дамский мастер» были тогда у всех на устах. Любимый мною пародист Александр Борисович Раскин принес магнито-

панный, еще первый, довоенный, хорошо знакомый библиофилам темно-вишневый односторонний Хемингуэя «Пятая колонна» и первые тридцать восемь рассказов — тот самый, «кашкинский» том. С какой нежностью, как о живых существах, говорил о любимых изданиях! А на маленьком письменном столе-секретере лежал раскрытый, с закладками, толстенный зеленый трехтомник писем Чайковского: Галич работал тогда над сценарием фильма о композиторе и весь был погружен в пе-

„ВОТ И СМОЛКЛИ КЛЕВЕТА И СПОРЫ“

К 15-летию со дня смерти Александра Галича

фон «Яуза» и обычную 250-метровую кассету. Заперли дверь, включили негромкий звук. Для большинства собравшихся впервые прозвучали знаменитые ныне «Леночка» и «Ошибка», «Уходят мои друзья» и «Заклинание», «Красный треугольник» и «Облака» — два десятка песен, не похожих ни на что слышанное ранее. Раскин кратко комментировал, но и без того было ясно, что мы слышим нечто необычное, смешное и страшное одновременно.

А вскоре я познакомился и с самим автором. К тому времени я уже знал все его песни, переписывал кассеты, печатал на машинке крамольные тексты и пел их тайком под гитару друзьям и знакомым, всякий раз беря с них честное слово «не разглашать».

Я, как и многие, был влюблен и в самого Галича. Ходил за ним по пятам и с педантичностью маньяка и адепта пытался разложить по полочкам, по рубрикам все созданные им песни. Александр Аркадьевич только посмеивался и называл меня в шутку галичеведом. А я составлял каталоги и приходил в отчаяние, когда он менял отдельные слова, целые куплеты и даже мелодии. Иногда на этих интимных концертах, если мне казалось, что он уставал, я «подменял» его, пытаюсь (тщетно) подражать авторской интонации.

Было бы лицемерным ханжеством сказать, что Галич оставался равнодушен к зрительскому успеху. Напротив, как и всякому артисту, ему необходима была публика, и чем ее было больше, тем лучше. Никому и никогда не отказывал он в пении. «Насколько я знаю Галича, — вспоминал Фазиль Искандер, — он, мне кажется, готов был петь везде, всем... И каждый раз это был островок искусства, мужества, надежды». Вокруг Галича всегда толпились слушатели, он был центром любого кружка, люди поневоле к нему тянулись, — от него исходило какое-то магнитное притяжение таланта — человеческого и артистического.

Всего один раз был я у Галича дома на 2-й Азропортовской. Как увлеченно показывал он свои любимые книги, как любовно оглаживал со всех сторон потре-

Дует гитаристов: А. Галич и В. Волин. Неизвестная фотография.

релиску Петра Ильича с графиней фон Мекк.

Увы, этой работе не суждено было осуществиться. Как, впрочем, и многим другим замыслам. Хотя ничто еще не предвещало будущих гроз, и на экранах страны шли (или вскоре должны были пойти) «Верные друзья» и «Государственный преступник», «На семи ветрах», «Дайте жалобную книгу» и «Третья молодость» (о Мариусе Петипа), в театрах ставили «Походный марш» и «Пароход зовут «Орленок», по радио пели «Ой ты, Северное море» и «До свиданья, мама, не горюй, на прощанье сына поцелуй», а по телевизору то и дело повторяли полубыльший зрителям спектакль Театра сатиры «Вас вызывает Таймыр» с незабываемым Николаем Дорониным в главной роли...

Сейчас понимаю — увы, с опозданием, — что за Галичем надо было ходить с раскрытым блокнотом и остро оточен-

ными пругами, я услышал предмет спора: речь шла о... теоретических проблемах раннего христианства... (Религия вообще занимала его мысли, религиозными мотивами во многом пронизано и его творчество. Недаром крестил Галича отец Александр Мень — в сельской церкви в Новой Деревне Пушкинского района.)

Акомпанировал он себе на семиструнной — так называемой русской, или цыганской, гитаре. У меня же была шестиструнная — «латиноамериканская». И однажды он попросил показать ему аккорды шестиструнки. Я продемонстрировал пять-шесть основных аккордов. И Галич схватил эту премудрость с первого раза, взял инструмент, на котором раньше не играл, и тут же стал себе подыгрывать, словно всю жизнь держал в руках шестиструнку.

Великолепен он был за роялем. Не будучи профессионалом — пианистом, играл

скаками, модуляциями и вариациями, что под его большими красивыми руками она превращалась в целую симфоническую поэму.

Александр Аркадьевич не знал песен Александра Городницкого, и я охотно спел их ему под гитару. Галич слушал «Заполярье» и «Перекааты», «Ямайку» и «Канаду», «Бермудские острова» и «Английский канал» и многие другие.

А умер я от раны ножевой,
И мой конец никто не замечает,
Я носом вниз лежу на мостовой,
Где птицы белые полет кончают.

Галич взял карандаш и листок бумаги, что-то записал и тут же сам опел этот куплет, но изменив третью строку: «Я носом вниз лежу, как неживой...» Это было подобно последнему удару кисти, завершающему мазку учителя у картины ученика: и отточенная рифма «ножевой — неживой» вместо нейтральной «мостовой», и отличный иронический абсурдизм: убитый человек лежит, как неживой! Вся строфа заиграла по-новому. Когда совсем недавно я расказал об этом Городницкому, прекрасному поэту и барду, он с восторгом согласился с этой правкой мастера, с этой, как пишет Станислав Рассадин о стихах Галича, «вызывающе озорной нелепостью».

Вспоминая Галича, обычно вижу его читающим одну из лучших своих вещей — «Памяти Б. А. Пастернака». Эти стихи всегда казались мне сильнее в декламации, чем в вокальном варианте с гитарным сопровождением — может быть, потому, что слышал их от самого автора именно в чтении, а не в пении (как на ранней кассете, а не на посмертном диске):

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...

И этот чуть глуховатый голос, исполненный гнева и скорби по затравленному великому поэту, преданному вчерашними друзьями и коллегами, остался в моей памяти на всю жизнь. Не предвидел ли он в трагедии Пастернака и свою собственную судьбу?..

И все же он вышел на площадь.

Владимир ВОЛИН